

Лукана раскрыта недостаточно. Ведь многие натуралистические описания (например, описание бури, голода) — наследие риторической школы. Больше следовало остановиться на острых сентенциях Лукана не только философского характера. Но самое главное — статья почти не касается художественной формы поэмы. Для читателя, не знающего латинского языка, следовало раскрыть главные особенности языка и стиля Лукана и показать его изобразительные художественные средства — метафоры, сравнения и т. д. В заключение, говоря об огромном успехе поэмы Лукана и в древности и в новое время, Ф. А. Петровский не указывает на интерес к этой поэме у декабристов, — недаром в 1819 г. появился перевод Филатова. Кстати, для советского читателя было бы небезинтересно знать, как царская цензура смазывала в этом переводе острую оппозицию тирании. Далее, не указывается на отношение Данте к Лукапу (помещение Лукана вместе с Гомером в особом кругу ада), не упомянут лестный отзыв Вольтера о Лукане; не мешало бы напомнить и о том, что Гёте в «Фаусте» использовал из поэмы Лукана образ колдуньи Эрихто и т. д. В общем статья о Лукане противоречива: она не дает полного и ясного представления о поэме Лукана на фоне его исторической эпохи и в его литературном окружении.

Переходим к примечаниям. В них главным образом, конечно, пришлось объяснять многочисленные мифологические и географические имена, встречающиеся в поэме; иногда даются и необходимые исторические справки. Исчерпывающей полноты здесь, к сожалению, нет; например, не объяснены: «Олимпийский скакун» (I, 293): в подлиннике «Элейский скакун»; «от второго светила бушуют» (I, 414); «виная» (III, 487); «Пелусий» (IX, 78); «Исида», «Осирис», «Апис» (IX, 158—160). Из исторических фактов читателю остается непонятным, например, стих: «В час, как Помпея отряд подсудимого запер Милона» (I, 323); в примечании разъясняется столкновение Клодия и Милона, но не говорится о том, что во время суда над Милоном Помпей для устрашения разместил всюду на форуме вооруженные отряды, и это заставило Цицерона в своей речи «В защиту Милона» обратить внимание на такую необычную обстановку. Не мешало бы пояснить в речи Куриона, что означало для Цезаря «продлить власть» (I, 274) и т. д.

Даже в научно-популярном издании нужно было бы для знающих латинский язык иногда давать в примечаниях текст подлинника, чтобы читатель знал о некоторых неизбежных отступлениях от латинского оригинала; например, почему бы не указать, что в русском переводе (I, 98) не передана анноминация *concordia discors* и др.? Наконец, мы уже говорили о том, что неизвестно, по какому изданию исполнен перевод; поэтому и среди примечаний отсутствуют комментарии критического характера, отмечающие главные разночтения в рукописях и в последних изданиях. Все это было прекрасно сделано в академическом издании Лукреция! Вообще было бы целесообразно в особом разделе вкратце указать рукописи поэмы Лукана, главные ее издания и основные работы, касающиеся поэмы.

В итоге все же мы, наконец, получили полный, довольно удовлетворительный стихотворный перевод «Фарсалии», который может познакомить советского читателя с этой оригинальной исторической поэмой.

Н. Ф. Дергани

E. ERKES, Das Problem der Sklaverei in China, Berlin, 1952, 30 стр.¹

Проблемы рабовладельческого строя в древнем Китае в последнее время оживленно обсуждаются советскими историками-китаистами и историками Китайской Народной Республики. Ряд статей, посвященных истории древнего Китая, был напечатан в 1951 г. в порядке дискуссии в журнале «Синьцзяньшэ»². В этих статьях в основном

¹ Berichte über die Verhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig, Philologisch-historische Klasse, Band 100, Heft 1.

² См. сообщение Д. З. «Вопросы древней истории Китая в журнале „Синьцзяньшэ“». ВДН, 1952, № 4, стр. 158—164.

рассматривался вопрос о наличии и о периодизации рабовладельческой формации в древнем Китае. По первому из этих вопросов в настоящее время наблюдается почти полное единодушие. И советские историки-китаисты¹, и подавляющее большинство китайских историков считают, что Китай в своем развитии прошел через ступень рабовладельческого общества.

Включились в разработку проблем рабовладения в Китае и ученые Германской Демократической Республики. В январе 1952 г. на эту тему прочитал доклад в Саксонской академии наук немецкий синолог Э. Эркес. Текст доклада был затем опубликован в виде брошюры под названием «Проблема рабства в Китае».

Э. Эркес считает, что в Китае никогда не было и не могло быть рабовладельческого общества, потому что «китайский способ производства никогда не мог допустить использования несвободного труда... Китайское сельское хозяйство с незапамятных времен покоится на сложной системе орошения... Только крестьяне могут работать на необходимых для этого обширных сооружениях, которые всегда должны быть под контролем и находиться в пригодном состоянии. Только крестьяне, заинтересованные в продуктах своего труда, могут выращивать рис на ступенчатых полях и заниматься садоводством, так как и то, и другое требует тщательного ухода за каждым отдельным растением... При барщинных работах, в первую очередь применявшихся для ремонта и строительства оросительных сооружений, также необходимо было, чтобы работники сами были заинтересованы в прочности этих сооружений. Поэтому такие работы всегда доверяли крестьянам» (стр. 23 сл.).

Э. Эркес, таким образом, утверждает, что в Китае был специфический, китайский способ производства, определявшийся особенностями китайского сельского хозяйства, которые были присущи Китаю с незапамятных времен. Это утверждение противоречит китайским источникам, показывающим, что китайское общество, а вместе с ним и китайское сельское хозяйство на протяжении своей многотысячелетней истории прошло долгий путь развития и претерпело существенные изменения. К тому же сельское хозяйство и строительство оросительных сооружений далеко не исчерпывают вопроса о рабстве в Китае вообще; так, например, рабский труд применялся в значительных размерах в рудниках и ремесленных мастерских, как государственных, так и частных, во время Чжоу, Циней и Старших Хань². Необходимо также добавить, что категорическое утверждение Э. Эркеса о неприменении рабского труда в сельском хозяйстве и при строительстве оросительных сооружений не подтверждается китайскими источниками. Напротив, ряд источников, в частности тексты времени Старших Хань, свидетельствуют об использовании рабов именно в этих отраслях хозяйства³.

Э. Эркес считает, что в Китае существовало только патриархальное рабовладение и что рабы никогда не участвовали в производстве. Он пишет: «Китайское рабство было чем-то совершенно иным, чем известный под тем же названием древнеевропейский институт, который являлся выражением общественной организации, основанной на эксплуатации несвободного труда. Китайское частное рабовладение всегда было домашним рабовладением, рабы были, в основном, предметом роскоши. Как и в недавнее время, рабы были членами семьи, стоявшими немногим ниже детей, и на них никогда не смотрели... как на вещи. Более того, закон защищал их от плохого обращения. Убийство раба наказывалось так же, как убийство свободного» (стр. 22).

¹ См. Л. И. Думан, Очерки по древней истории Китая, Л., 1938 (Литографированное издание); Л. В. Симоновская, Вопросы периодизации древней истории Китая, ВДИ, 1950, № 1; Т. В. Степугина, К вопросу о социально-экономических отношениях в Китае в XIV—XII вв. до н. э., ВДИ, 1950, № 2.

² См. «Го Мо-жо — историк древнего Китая», ВДИ, 1952, № 1, стр. 21.

³ Цянь Хань Шу, Шанхай, 1905, гл. 37, стр. 25в; Ши Цзи. Шанхай, 1905, гл. 30, стр. 39в.

Отказавшись от анализа рабовладения как социально-экономического явления, характерного для определенной эпохи, Э. Эркес находит возможным сослаться на свои личные наблюдения для охарактеризования положения рабов в древности (рабство в Китае продолжало существовать и при господстве реакционной гоминдановской клики). Таким образом, он рассматривает рабство в Китае как нечто статичное, не подвергавшееся изменениям на протяжении всей китайской истории. Но ведь Китай прошел длинный и сложный путь развития, в течение которого менялись и формы и виды рабовладения. Чтобы доказать, что убийство раба не всегда наказывалось так же, как убийство свободного, достаточно привести императорский эдикт, изданный в 35 г. н. э и гласивший: «Кто убивает раба или рабыню, не будет избавлен от наказания»¹. В одной из своих статей Го Мо-жо показывает, что при династии Хань существовало неограниченное право рабовладельцев на убийство рабов².

По мнению Э. Эркеса, не только частное, но и государственное рабовладение не преследовало эксплуататорских целей, а было лишь «юридически-социальным институтом, направленным на то, чтобы держать под постоянным присмотром лиц, представляющих опасность для общества... из-за своей принадлежности к семьям преступников. Невозможность содержать в течение длительного времени большие массы ничего не производивших людей привела в конце концов к тому, что к концу эпохи Сун государственное рабство было уничтожено» (стр. 23).

Идиллическая картина «гуманного» обращения с государственными рабами, нарисованная Э. Эркесом, не соответствует фактам действительной истории. Во время Цинь и Старших Хань, когда государственные рабы были особенно многочисленны, их труд эксплуатировался в ремесленных мастерских, на строительстве гробниц, дворцов, а также и при перевозке зерна в столицу³. Уничтожение же государственного рабства к концу эпохи Сун (XIII в. н. э!) объясняется тем, что в эпоху развитого феодализма эксплуатация рабов была уже абсолютно невыгодной.

Э. Эркес выдвигает собственную теорию происхождения рабства в Китае. Эта теория, основанная на интерпретации китайских иероглифов, обозначающих рабов, в основном сводится к тому, что рабство возникло из порабощения женщины при переходе от матриархата к патриархату. Он считает, что «рабство... произошло из доисторических переворотов в брачной и семейной жизни... С переходом к патриархату старые свободные формы брака уступили место единобрачию в форме похищения невесты... Мужчина приобретает исключительное право на женщину; он кормит и обеспечивает ее, и поэтому она становится зависимой от него в экономическом и общественном отношении и вместе с ее детьми все больше и больше превращается в его личную собственность. Когда патриархальная организация одерживает окончательную победу и мужчина становится единственным кормильцем семьи, невеста начинает выкупаться женихом у ее родителей и тем самым официально признается принадлежащей ему» (стр. 15 сл.).

Таким образом, Э. Эркес переводит рабство из плоскости производственных отношений в плоскость отношений семейных. При этом история семьи трактуется им вне связи с развитием производительных сил общества. Говоря о переходе от матриархата к патриархату, он не ставит вопроса о причинах этого перехода. Если бы он попытался на него ответить, то убедился бы, что как переход от матриархата к патриархату, так и возникновение рабства связаны с первым крупным общественным разделением труда — выделением пастушеских племен. «Первое крупное общественное разделение труда вместе с увеличением производительности труда, а следовательно, и богатства, и с расширением поля производительной деятельности. при сово-

¹ Хоу Хань Шу, глава 1в, стр. 3а. Цитирую по книге Wilbur, Slavery in China during the Former Han Dynasty, 1943, стр. 468.

² См. «Вопросы древней истории Китая в журнале „Синьцзяньшэ“», ВДИ, 1952, № 4, стр. 162.

³ Цянь Хань Шу, гл. 24а, стр. 27в, гл. 24в, стр. 31а; там же, гл. 31, стр. 1в.

купности данных исторических условий, с необходимостью влекло за собой рабство»¹. Если бы Э. Эркес попытался разрешить проблему рабства, исходя из развития производительных сил общества, у него все встало бы на свое место. Он увидел бы, что принял за один процесс два различных, хотя и взаимно связанных исторических явления, представлявших собой следствие одной и той же причины и имевших поэтому некоторые сходные черты. Ф. Энгельс отмечает, что при переходе к патриархату «муж захватил и в доме бразды правления, а женщина утратила свое почетное положение, была превращена в слугу, в рабу его похоти, в простое орудие деторождения»². Но само низведение женщины до рабского положения было возможно лишь в обстановке уже появившегося рабовладения. Многочисленные исторические, этнографические и археологические данные говорят о том, что первым источником рабства было порабощение военнопленных, и Э. Эркес ошибается, полагая, что в Китае дело обстоит иначе.

Интерпретируя китайские иероглифы, обозначающие рабов, и подчеркивая, что многие из них включают в себя элемент, обозначающий женщину, Э. Эркес делает отсюда вывод, что «употребительные выражения для рабов... обозначали женщину. Это исключает происхождение рабства из порабощения военнопленных» (стр. 15). Однако эти сами по себе интересные наблюдения не дают основания для такого вывода в первую очередь потому, что Э. Эркес анализирует не все термины рабства. Так, иероглифы «пу»³ и «туи» (№ 449), обозначающие рабов, не включают в себя обозначения женщины и поэтому не укладываются в схему Э. Эркеса. О том, что одним из важнейших источников рабства было порабощение военнопленных, свидетельствует и то, что в китайское название гуннов «сюнну» (№ 4301, 5951) входит иероглиф, обозначающий раба («пу», № 5127). Уже одно это показывает, что древние китайцы смотрели на своих врагов-кочевников как на потенциальных рабов. Таким образом, и по вопросу о происхождении рабства в Китае выводы автора не могут быть признаны убедительными.

Э. Эркес уделяет в своей работе большое внимание статье молодого советского исследователя Т. В. Степугиной «К вопросу о социально-экономических отношениях в Китае в XIV—XII вв. до н. э.»⁴. К сожалению, он не дает критического разбора статьи в целом, а берет из нее лишь несколько текстов; Э. Эркес оспаривает переводы, основываясь на которых, Т. В. Степугина приходит к выводу о начале рабовладения в эпоху Инь. Она начинает с интерпретации двух надписей, приводимых Т. В. Степугиной. Одна из них переводится ею следующим образом: «Отпустить предназначенных для закапыванья рабов», другая — «Гадали: пленных следует отпустить, их не нужно приносить в жертву»⁵. Э. Эркес полагает, что Т. В. Степугина неправильно переводит иероглиф «гуй» (№ 3888) «отпустить». Этот иероглиф нужно перевести, по его мнению, «возвратить». Э. Эркес считает, что здесь это слово значит «возвратить домой», и, следовательно, надпись говорит о том, что военнопленных отпустили домой вместо того, чтобы принести их в жертву, и что, таким образом, для них не нашли никакого применения (стр. 7). Но если даже согласиться с Э. Эркесом, что иероглиф «гуй» нужно перевести как «возвратить», то все-таки ниоткуда не видно, что здесь имеется в виду именно «возвратить домой». Эта гипотеза Э. Эркеса ни на чем не основана, и его поправка не дает ничего нового для понимания текстов.

Следующее возражение Э. Эркеса, оспаривающего один из наиболее убедительных, с нашей точки зрения, текстов Т. В. Степугиной, основано на недоразумении. Т. В. Степугина переводит этот текст: «Гадали.весной пленников не следует заключать

¹ Ф. Э н г е л ь с, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1951, стр. 166.

² Там же, стр. 57.

³ В Китайско-русском словаре под редакцией И. М. Ошанина этот иероглиф стоит под № 5127. В дальнейшем номера иероглифов даются по этому словарю.

⁴ ВДИ, 1950, № 2, стр. 57—76.

⁵ Там же, стр. 70.

(в особые помещения)» (ук. соч., стр. 71). В тексте, который приводит Э. Эркес, иероглиф «фу» (№ 3081), означающий «пленник», ошибочно заменен другим иероглифом. На основании этого искаженного текста Э. Эркес, возражая против перевода Т. В. Степугиной, говорит, что неизвестно, идет ли здесь речь о военнопленных, или о ком-нибудь другом (стр. 8).

Дальнейшая полемика Э. Эркеса с Т. В. Степугиной сводится в основном к разногласиям в толковании иероглифа «чэнь» (№ 834). Т. В. Степугина, как и многие другие исследователи, изучавшие этот вопрос¹, считают, что в эпоху Инь этот иероглиф обозначал раба. Э. Эркес же переводит его «чиновник» (Beamte). Только незнанием с трудами ученых, занимавшихся исследованием надписей на гадательных костях и на бронзе (Ван Го-вэй, Го Мо-жо, Ло Чжэнь-юй, Бунаков, Фань Вэнь-лань), можно объяснить то, что Э. Эркес приписывает иероглифу, относящемуся к эпохе Инь, значение, которое он имеет в современной иероглифике.

Неправильный путь, по которому идет Э. Эркес в исследовании проблемы рабовладения в Китае, объясняется прежде всего его ошибочными методологическими позициями. К сожалению, он еще не освободился от влияния буржуазных синологов, считающих Китай страной «застоя и неподвижности». Очевидно, что при разрешении проблемы рабства в Китае нужно исходить не из этих антинаучных взглядов, а из единственно научного метода исторического материализма, разработанного в трудах Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина.

Для того чтобы поставить свое исследование на более прочную основу, Э. Эркесу следовало бы расширить узкий круг привлеченных им источников. В основном автор пользуется данными Чжоу-ли, изредка привлекая Шу-цзин, Ши-цзин и Лунь-юй. Для решения сложнейшего комплекса вопросов, связанных с проблемой рабовладения в Китае, автору нужно было бы взяться за исследование надписей на костях и на бронзе и привлечь как монументальный труд Сыма Цяня, так и династийные истории. Автору необходимо, наконец, изучить посвященные этому вопросу новейшие труды историков Китайской Народной Республики и советских историков-китаистов. Все это поможет Э. Эркесу осветить по-новому проблему рабовладения в Китае.

В. Рубин

РАБОТЫ ПОЛЬСКИХ УЧЕНЫХ ПО ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ (1949—1952 гг.)

Обзор трудов по древней истории, вышедших в Польше после второй мировой войны, все еще свидетельствует о недостатках в польской исторической науке, унаследованных от довоенного периода. Все же и в этой области намечается уже перелом. До войны в Польше существовали довольно сильные коллективы специалистов по классической филологии; историков древнего мира было значительно меньше, чем филологов. Количественный перевес филологов, в основном же отсутствие правильного методологического подхода отрицательно отразились на характере большинства исторических работ по древней истории, изданных до 1939 г. Исторические исследования в области античности в большинстве случаев писались под сильным воздействием филологического подхода, в духе традиционной классической филологии; эти исследования характеризовались мелочным анализом источников и ограничивались изучением литературных влияний без должного учета социально-экономических факторов. Особенно сильно в польской историографии ощущалась нехватка обобщающих монографий.

¹ См. Го Мо-жо, Ши пипань шу, стр. 41; Хоу Вай-лу, Чжунго гудай шахой ши (История древнекитайского общества), стр. 38.